

нокъ, тогда, конечно, совершенный адъ. Тотчасъ поднимаются крики, на сцену являются клистиры, температура, мицтуры, доктора... „И надо попасть на этого, самаго лучшаго, того, который спасаетъ, и тогда ребенокъ спасенъ; а не захватишь этого доктора или живешь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ живеть этотъ докторъ,— и ребенокъ погибъ“.

Заботы о дѣтяхъ, или, собственно, не о дѣтяхъ, а о здоровье дѣтей (тутъ есть нѣкоторое различіе въ понятіяхъ) занимали у жены Позднышева все время. Поводовъ къ ревности не было. Но Позднышевъ ревнивъ страшно. Ему казалось иногда, что это (ея заботы о дѣтяхъ) нарочно дѣлалось, что она прикидывалась беззкоюющеюся о дѣтяхъ для того, чтобы побѣдить его. Такимъ образомъ, дѣти не были утѣхой еще потому, что служили новымъ поводомъ къ раздору, и не только поводомъ, а даже и орудіемъ. Супруги дрались другъ съ другомъ какъ будто дѣтьми, любимцами. Конечно, послѣдніе должны были страшно страдать отъ этого, но Позднышевымъ въ ихъ постоянной войнѣ было не до нихъ.

Долго ли, нѣть ли продолжалась такая жизнь—неизвѣстно. Вѣроятно долго, потому что есоры стали утихать, а душевныя раны искусно излѣчивать можетъ только время. Пошло на мировую... Но вотъ послѣ пятаго ребенка жена героя захворала, и это-то обстоятельство и было виной всего того, что случилось. Явились доктора, запретили ей рожать и научили средству къ уничтоженію плода. Какъ ни отвратительно показалось Позднышеву подобное избавленіе отъ обязанности матери, она смолчаль и на проклятое средство докторовъ посмотрѣла сквозь пальцы. Вѣроятно, впрочемъ, въ то время это не такъ было для него отвратительно, потому что онъ съ еще большею свободою принялся за свои прежнія супружескія обязанности. Станный человѣкъ: для жены избавиться отъ обязанности матери было отвратительно, а для себя погрузиться въ тотъ страшный развратъ, который называется проституціей, не отвратительно, за себя угрызенія совѣсти не являлось. Два года жили въ такомъ развратѣ Позднышевы. Средство докторовъ скоро произвело свое дѣйствіе: „она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣднія красота лѣта. Она чувствовала это и занималась собой. Въ ней